

ФРАГМЕНТЫ БУДУЩИХ КНИГ

Л.Г. Бызов
ОТ "ЭПОХИ ПУТИНА" К "НОВОЙ РОССИИ"

Предлагаем вниманию читателей фрагмент из готовящейся к публикации коллективной монографии ВЦИОМ "От Ельцина до Путина: три эпохи в историческом сознании россиян". В этом фрагменте, авторство которого принадлежит Леонтию Бызову, исследуется общественный запрос к власти, формирующийся в России сейчас — на излете второго президентского срока Владимира Путина.

Попытки подвести итоги восьмилетнего пребывания у власти В. Путина и заглянуть в будущее, на восемь–десять лет вперед, связаны с определенными трудностями. Российское общество не слишком расположено заглядывать далеко вперед. Мы привыкли жить скорее днем сегодняшним, и не только потому, что проблема выживания стала главной для россиян в минувшие пятнадцать лет. Есть и более глубокие социокультурные причины. На наших глазах формируется совершенно новая российская цивилизация, совершается разрыв с историческим прошлым России, тем более глубокий, чем большую ценность приобретает исторический "камуфляж" — гимны, гербы, памятники, религиозные обряды и прочие атрибуты России исторической.

По сути дела, строительство "новой России" ведется новой генерацией русских, сформировавшейся на руинах традиционного общества. Это генерация мегаполисов, массовой культуры, потребительских ценностей, сугубого индивидуализма, который пока компенсируется патриотической и коллективистской риторикой на парадном уровне. Мы сегодня далеко еще не являемся российской нацией в полном смысле этого слова, объединенной общими целями и ценностями. Но при В. Путине атомизированная генерация формально российских граждан начала приобретать первые черты политической нации, вкусившей от общего успеха "корпорации Россия". Мы бурно радуемся, хоть в чем-то "утирая нос" странам Запада, вроде бы далеко ушедшим вперед; выигрывая международное состязание на право проведения зимних Олимпийских игр-2014; испытывая современное вооружение, которого "нет там"; опуская батискафы на дно Ледовитого океана... Да и общая атмосфера в стране совсем не похожа на "мрачные девяностые", когда все валилось из рук и каждый норовил скорее "подтолкнуть падающего", чем протянуть ему руку помощи.

Изменения носят пока недостаточно устойчивый характер. Нет или почти нет главного — действенных субъектов национального развития, не назначенных сверху, "по долгу службы", а произрастающих из недр самого общества. Это особенно важно в ситуации завершения трансформационного витка, перехода общества в спокойное, стабильное состояние. В этих условиях даже отсутствие опре-

деленное четкой политической линии, движение по инерции приводит к усилению национально-государственной субъектности. И общество это чувствует, отвечая властям высоким уровнем доверия и оптимизмом в отношении близкого и более отдаленного будущего страны.

Уже в самом начале путинского правления стали возникать предпосылки для формирования национальной субъектности. После периода "революционной смуты" в умах массовое сознание в значительной степени начало возвращаться в свое "спокойное", традиционное состояние, своего рода "постреволюционный термидор". Сформировался общественный запрос на стабильность и порядок, а также на развитие общества в русле общенациональной парадигмы. Все это позволило, хотя и с известными оговорками, охарактеризовать наступившую после ухода Ельцина эпоху как "*постпереходную*", по крайней мере, в той части, которая касалась общественных ожиданий [4].

Среди предпосылок, сформировавших запрос на "постпереходное" состояние, отмечались следующие:

- накопившаяся усталость общества от периода "реформ" и социально-политической нестабильности;
- определенное социальное "выравнивание" общества после августовского кризиса 1998 г., ударившего по зачаткам "среднего класса";
- расширение зоны недовольства прежним режимом за счет "средних" слоев общества;
- массовое осознание тупиковости политических и социальных преобразований начала и середины 90-х годов;
- ценностная консолидация общества на умеренно авторитаристской, государственнической и патриотической позиции; преодоление ценностной и идеологической поляризации общества, характерной для 90-х годов;
- формирование массовой потребности в сильной и эффективной власти, стоящей над частными, региональными и корпоративными интересами.

Данный запрос привел, пусть и постепенно, к предпосылкам коренной внутрисистемной эволюции политического режима, формированию "*постпереходного*" общества, объединенного общенациональной субъектностью, характеризующегося ликвидацией или, по крайней мере, существенным снижением противостояния общества и власти. И хотя эти отношения так и не вышли на градус полного взаимного доверия, характерного для режимов мобилизационного типа, значительная часть "баррикад" была убрана. Власть, пусть и плохая, коррумпированная, невнимательная к нуждам своих сограждан, все-таки теперь — "своя", знакомая, понятная, со всеми ее традиционными недостатками, характерными для российской истории.

Согласно оценкам большинства россиян, путинский политический режим все время его существования воспринимался как существенная альтернатива "ельцинской России"; на него возлагались ожидания модернизационного прорыва, восстановления роли страны в мире, воссоздания основных систем жизнеобеспечения населения, наведения "элементарного порядка". Несмотря на то, что ожидания оправдались далеко не в полной мере, не возникло и какого-то значительного разочарования в действиях властей. Согласно массовым настроениям, власти действуют в принципе в правильном направлении, но — слишком медленно и непоследовательно.

В ответ на эти общественные ожидания власть пыталась и продолжает пытаться проводить политические реформы, унифицирующие общественное устройство, подчиняющие интересы региональных и экономических элит общегосударствен-

ным (общенациональным) интересам. На этом пути она кое-чего достигла, в чем-то отступила, в чем-то потерпела фиаско. Тем не менее на руинах, в которые российское общество превратили трансформации 1990-х годов, стало складываться что-то, отдаленно напоминающее нацию и национальную субъектность.

Содержательные оценки того явления, которые путинские доброжелатели склонны называть "путинской стабильностью", а недоброжелатели — "путинским неозастоем", весьма различаются в зависимости от видения аналитиками общеисторической перспективы. Заложен ли при В.Путине "фундамент новой России" или же последние семь–восемь лет были своего рода "историческим тупиком", "откатом в никуда", за который придется еще долго расплачиваться следующим поколениям россиян? Ознаменовало ли собой путинское восьмилетнее правление возвращение к традиционным, "автохтонным" истокам государственности или же станет восприниматься в будущем как один из этапов сдачи национальных позиций, капитуляции перед "глобальным миром"? Произошел ли поворот "лицом к обществу" или продолжает строиться "политический режим меньшинства"?

Данные опросов общественного мнения также не могут дать однозначного ответа на такие вопросы. Если в самом начале путинского правления, на волне позитивных ожиданий, число тех, кто полагал что страна идет в правильном направлении, сразу резко подскочило, то в последние три–четыре года стабилизировалось на отметке, не намного превышающей 20–25%. Причем и из них большая часть соглашается с приведенным тезисом с определенными оговорками. Фактически, как показывают результаты исследований, вопрос о "правильном направлении страны" раскалывает российских граждан примерно на две половины. Безусловно, эти данные демонстрируют достаточно сложное и неоднозначное отношение россиян к нынешним властям, не укладывающееся ни в "провластный" миф, согласно которому при В.Путине страна добилась коренного перелома в лучшую сторону, ни в миф "оппозиционный", согласно которому созданная при Путине государственно-административная система является историческим тупиком. Дать более однозначную оценку нынешним, уже уходящим в историю временам, вероятно, сможет дать лишь дальнейший ход истории.

Не сложилось пока у россиян и однозначного мнения относительно того, является ли нынешнее государство, выстроенное практически "с нуля" нынешними властями, субъектом национальной государственности, способным отразить интересы, надежды и чаяния большинства россиян. Большинство опрошенных занимают достаточно взвешенную позицию (52%), а крайности разделяет меньше половины россиян. 29% респондентов видят в нынешней государственности "свою" власть, которая способна защитить их интересы и не вызывает чувства отчуждения, тогда как 14% — заведомо "чужую", враждебную субстанцию, в отношении которой какое-либо чувство сопричастности напрочь исключается.

Таблица 1.

Распределение ответов на вопрос "Насколько вы согласны с тем, что дела в стране идут в правильном направлении?", %

	Январь 2004	Март 2006	Июль 2007
Полностью согласен	3	3	4
Скорее согласен	12	19	23
Отчасти согласен, отчасти нет	43	43	42
Скорее не согласен	27	21	18
Совершенно не согласен	11	8	6
Затрудняюсь ответить	8	6	7

Здесь чрезвычайно велики поколенческие различия. Нынешнее государство "своим" считают 41% молодежи до 25 лет и лишь 24% пожилых россиян, преодолевших 60-летний рубеж. И это вполне понятно: "новая Россия", по сути, создана "на костях" (пусть в переносном смысле) старших поколений, так и не сумевших не столько экономически, сколько социокультурно адаптироваться к новому укладу жизни. А новые поколения приспособились (адаптировались) к новым социальным и экономическим условиям в значительной степени ценой существенной социокультурной "мутации", отказа от традиционных ценностей и образа жизни. Это лишний раз говорит о том, что "возвращение к истокам", к традиционным, консервативным ценностям, которое многие видят в "путинской России", является чисто внешним фактором, своего рода "красивой упаковкой", не более того. А в реальности масштабы разрыва с традицией, почвой продолжают расширяться.

С другой стороны, как полагает специалист по проблемам адаптации И. Дискин, "порядка 25–30% населения уже вполне адаптированы, способны адекватно реагировать на сигналы существующей социально-экономической системы, рационально ориентироваться в существующей институциональной системе. Не следует идеализировать эти группы, но следует признать, что в них сосредоточен основной потенциал социальной динамики. "Это база для становления массового среднего класса, верящего в благоприятные социально-экономические перспективы нашей страны" [1].

Итак, новый средний класс, состоящий из адаптантов, уже создан. По логике социальной трансформации, именно ему суждено стать ядром формирования новой российской нации. Какие идеи, ценности и социальные установки он несет "новой России"? Какова социокультурная природа той цивилизации, которая рано или поздно "состоится" в "новой России"?

Исследования, проведенные ВЦИОМ [11], ИКСИ РАН, а также обсуждение в рамках проекта "Базовые ценности современных россиян" [12] позволяют сделать на этот счет достаточно противоречивые предположения. Действительно, нынешний этап развития России оставляет много вопросов о природе и особенностях современной российской цивилизации. Многочисленные сломы, характерные для XX в., существенно изменили природу и менталитет как всего российского суперэтноса, так и его великорусского ядра. За пятнадцать лет, прошедшие с распада коммунистического строя, Россия длительное время не могла выработать собственной цивилизационной идентичности, "зависнув" между постимперским состоянием, все более чуждым менталитету большинства россиян, и национальным государством, на пути построения которого отчетливо видны трудно преодолимые социокультурные барьеры. Не удалось (точнее, не удалось в полном объеме, так как разного рода попытки продолжаются) за эти годы вырабо-

Таблица 2.

"Каково Ваше отношение к нынешнему российскому государству, построенному при Владимире Путине?" (ВЦИОМ, июль 2007), %

	всего	Молодежь до 25 лет	Пожилые (свыше 60 лет)
Это "мое" государство, которое защищает мои интересы	29	41	24
Это лишь отчасти "мое" государство, которое недостаточно хорошо защищает интересы таких, как я	52	45	46
Это "не мое" государство, оно не защищает мои интересы, и я не доверяю ему	14	7	23
Затрудняюсь ответить	6	7	7

тать и собственной национальной модели политической и экономической системы, поскольку формальное заимствование политических и экономических институтов, характерных для "цивилизованного Запада", отторгается российской почвой, ведет, в качестве контртенденции, к росту черт архаики и "нового варварства". И новый российский средний класс, вероятная основа новой российской нации, в полном объеме несет на себе следы этого варварства, видимого даже глазом, не вооруженным специальной социологической методикой.

Тем не менее именно вокруг него формируется ценностный фундамент "новой России", постепенное формирование российской нации из атомизированного и сегментированного общества 90-х. Складывается ценностный и идейно-политический консенсус, однако пробуксовка на институциональном уровне препятствует переходу общества в новое качественное состояние. Процесс формирования нации, конечно, не связан напрямую с политикой, проводимой нынешним президентом. Скорее, наоборот, речь может идти о том, насколько "вписан" политический режим Путина в этот процесс. Однако зарождение "новой российской нации" и правление Путина (а проблем здесь хватит и на долю его преемника) все-таки совпали "в пространстве и времени". И проект "российской органической модернизации", пусть и не предьявлен обществу в открытую, но, что называется, "носится в воздухе".

Как в этой связи пишет И. Дискин, "анализ модернизационных проектов показывает, что **успех сопутствует тем из них, в которых были осознаны специфика и настоятельные проблемы национального развития, найдены подходы к преобразованиям государства и экономики, наиболее полно отвечающие стоящим перед страной вызовам.** Позитивный результат социальной трансформации — вводимые институты приходят в определенное социокультурное равновесие с изменившимися моделями социального действия. Напротив, рост социальных напряжений в ходе адаптации приводит к негативной оценке таких институтов. Социокультурный "зазор" между вводимыми институтами, с одной стороны, и социальными практиками, с другой, превращается в отторжение. Трансформационные напряжения быстро превращаются в модернизационный кризис" [10].

Как следствие, политические проекты, формируемые под эти процессы, продолжают оставаться неполноценными, энергия носителей "новой субъектности" замыкается на локальном уровне, в основном частных, индивидуальных стратегий успеха. А политические и государственные институты, лишённые энергетической подпитки общества, остаются легкой добычей корпоративных и групповых интересов, чему не в состоянии противодействовать никакие создаваемые "административные вертикали". Это означает, что новая национальная субъектность одновременно и существует (как ценность), и отсутствует (как совокупность институтов). Все это и предопределяет половинчатость наследия путинской эпохи в плане формирования российской нации.

По мнению сторонников теории "органической модернизации", пережитый в 90-е годы и частично преодоленный сегодня системный кризис является в первую очередь кризисом субъектности, во многом обусловленным процессом "запаздывающей" или "догоняющей" модернизации 90-х годов. В результате неорганичности процессов модернизации внутренний социально-культурный конфликт между отдельными фрагментами общества (группы, ориентированные на идеологию догоняющей модернизации и группы, ориентированные на традиционалистские ценности) на каком-то этапе стал доминировать над осознанием исторической общности. Внутренние этнические скрепы оказались слишком слабы, чтобы на руинах суперэтнической империи смогло полноценно сформироваться нацио-

нальное государство. В результате за полтора десятка лет попыток догоняющей модернизации страна длительное время не могла породить адекватных национальных лидеров, выработать общенациональную идеологию, сформировать значимые политические субъекты.

Российское общество не сопротивлялось либеральным реформам начала 1990-х годов и не отторгло ценности, лежащие в их основе, — по крайней мере, в их словесном выражении. В том числе и потому, что эти реформы органично вписывались в социокультурную ситуацию, сложившуюся в стране задолго до них. Основные ценности позднесоветского человека, его, если угодно, "национальная идея" соответствовали системе ценностей, пришедшей с Запада. Она характеризовалась индивидуализмом, ориентациями на общество массового потребления и выражением "мой дом — моя крепость". Из российского коллективного "я" выделилось индивидуальное начало, которое со временем развивалось, воплощаясь в новые потребности и обретая новые символы. Если национальной идеей позднесоветского человека была отдельная квартира, то национальной идеей человека постсоветского стала дача с глухим забором — ментальный символ современных россиян.

Исследования ментальности и мифов постсоветского человека свидетельствуют о том, что в нем практически ничего не осталось от той традиционной архаики, которую мы привыкли считать проявлением русской косности, препятствующей модернизации. Если ей что и препятствует, то не система ценностей, а неспособность вестернизированных, либерально-ориентированных постсоветских индивидов к самоорганизации и взаимодействию. Утратив архаичные структуры и мифы коллективного бессознательного, интегрирующие традиционные социумы, наше общество при всей своей рационализации не смогло сформировать нацию. Россия не перешла от традиционного общества к нации, что в новое время сделали Европа и Америка, причем последняя гораздо позже и с большими трудностями. И пока нет достаточных оснований утверждать, что такой переход в нашей стране в обозримой перспективе состоится.

Неспособность выстраивать горизонтальные связи и формировать на их основе институты управления обществом (историк-культуролог А.Ахиезер полагает, что эта особенность русского социума органически присуща ему на всем историческом пространстве), тем самым создавая новые традиции, замещающие коллективное бессознательное, привела к тому, что у нас сложился своеобразный тип модернизации, происходящей за счет разрушения социальной ткани. В России модернизация очень быстро проходила внутри отдельных "социальных коконов". Но социальная ткань общества в целом при этом рвется! И чем интенсивнее осуществляются такие точечные модернизации — тем интенсивнее разрушается общая социальная ткань. Проблема не в том, что в России плохо шла модернизация, а в том, что она здесь разрушала национальную идентичность и горизонтальные общественные связи. Именно этим российская модернизация кардинально отличалась от прочих европейских модернизаций.

Социально-политические процессы, произошедшие в стране после 1998–2000 гг., в определенной степени изменили вектор общественного запроса и основные парадигмы массового сознания. Связанная с этими процессами неоконсервативная идеология адресуется активному меньшинству и содержит рациональное и прагматическое обоснование модернизации и постмодернизации, мобилизующей силы для обновления общества. В 90-е годы, когда общество было расколото на "традиционалистов" и "модернистов", динамика противостояния этих групп определяла политическое и социальное развитие общества. Это деле-

ние в определенной степени сохраняется и сегодня, хотя и носит рудиментарный характер. Одновременно формируются группы, отражающие уже нынешний социокультурный фон, — это "неоконсерваторы", сочетающие модернистские и консервативные ценности, так называемые "новые правые", и противостоящие им уже в рамках новой системы координат "новые левые".

Эти молодые группы только укореняются в нашем обществе, активно формируют свой запрос — не только и не столько политический, сколько социальный и культурный. Их устремлениям соответствуют свои культурные, религиозные, эстетические пристрастия, своя система моральных ценностей, своя система мотиваций, лишь частично пересекающихся с "парадными" пластами сознания, своя мифология. На наш взгляд, для понимания цивилизационной природы современных россиян необходимо не просто описать эти группы посредством традиционных социально-демографических и политических характеристик, но и заглянуть в их "коллективную душу", понять, что кроется в их, выражаясь терминологией Юнга, "коллективном бессознательном". Это тем более важно, что мы неоднократно убеждались в неэффективности многих социальных и экономических стимулов, лежащих на поверхности, включая материальные. И только выход за рамки позитивистской методологии может позволить понять природу социальных мотиваций групп, определяющих судьбу "новорусского этноса", точнее, новой русской нации. Система ценностей, вокруг которых будет строиться "новая Россия", уже заложена в менталитете новой генерации россиян, задача состоит лишь в том, чтобы "прочитать" то, что записано в их социально-культурном коде.

Для того "наследия", которое Путин оставляет последующим строителям "новой России", характерен существенный разрыв между ценностными и институциональными факторами, определяющими развитие новой государственности. По сути, произошел отказ от мобилизационной модели государственного устройства, возобладал инерционный сценарий, при котором институциональное реформирование оказалось полностью отданным на откуп правящим элитам. Эта стратегия отвечала запросу только начавшегося формироваться после дефолта 1998 г. нового "среднего класса", которому необходимо было выиграть время, завершить процесс адаптации, выстроить свои частные "стратегии успеха", минимально зависящие от действий государства. Суть требований общества к власти на этом этапе не в том, что она должна нас куда-то вести, на что-то мобилизовывать и т.п. Носители таких требований если уже и не полностью адаптировались, то рассчитывают адаптироваться к изменившейся реальности, и им важно только, чтобы государство не мешало процессам их адаптации! Соответственно данному запросу, Путин не должен быть "вождем" в полном смысле слова, применять насилие по отношению к обществу, самочинно менять его социальную структуру. Он должен был оставаться достаточно символической фигурой, в задачи которой входит обеспечение в обществе лишь самых общих правил игры". Именно на этот слой адаптантов и была сделана основная ставка, что привело к формированию своего рода "негативного консенсуса" в отношениях общества и власти — "вы нас не трогайте и мы вас не тронем".

Природа этого негативного консенсуса является предметом дискуссии. По мнению Л. Гудкова, "нигилистические установки парализуют саму мысль о том, что императивы подобной деятельности можно относить не только к каким-то отвлеченным "другим", но и к себе самому. Представление о политике как деятельности хищников и карьеристов и есть иное по форме выражение собственного цинизма основной массы населения, оборачивающегося пассивностью, покорностью, равнодушием и общим пофигизмом" [9]. Действительно, реальная по-

литика, вытекающая из этих обстоятельств, выразилась в стремлении к принятию решений в предельно узком кругу "посвященных", отстранении от принятия решений по общественно-значимым проблемам даже такого конституционного органа, как Федеральное собрание. Как результат — реальная власть концентрируется в нелегитимных источниках и все более осуществляется теневым, "закулисным" образом.

Таким образом, общественный запрос на сильную и эффективную власть, опирающуюся на средние слои общества и повышение социальной мобильности лучших представителей региональных элит, был лишь имитирован, выпущен на свет в нежизнеспособном виде, — но от этого не перестал быть насущным общественным запросом, который рано или поздно должен найти свой действительный выход. Механизмов реальной опоры государственной власти (персонализированной в президенте) на общество до сих пор не создано. Опору российские власти попытались найти в государственной бюрократии, безмерное усиление которой стало своего рода визитной карточкой "второго срока" пребывания у власти В. Путина.

Исследованию феномена "российской бюрократии" именно под углом взгляда на нее как на субъект (реальный или потенциальный) национального развития было в свое время посвящено специальное исследование ИКСИ РАН. Как показали его результаты, путинская эпоха — период расцвета российской бюрократии, по мнению относительного большинства опрошенного населения (38,4%), оставившая позади себя в этом отношении все иные периоды истории России. Именно в конце 90-х в качестве одной из основных социально-политических проблем стало отсутствие общенациональной субъектности, способной обеспечивать развитие страны и общества. Частные интересы дееспособных субъектов сосредоточились на низшем и среднем уровне, представляющими скорее локальные структуры, а стратегические интересы страны продолжали оставаться "бесхозными" и растаскиваться в интересах частных собственников и ведущих корпораций. Стремительно разраставшаяся еще при Б.Ельцине бюрократия была не в состоянии представлять эти интересы, будучи разорванной частными и корпоративными интересами. Именно поэтому одной из главных идей уже путинской эпохи стало "выстраивание" бюрократии вокруг государственных интересов, попытка формирования на ее базе общенациональной субъектности.

Результаты реализации этой идеи носят половинчатый характер. В огромной степени "ставка на бюрократию" при В.Путине стала вполне осознанной, происходящей из трезвой оценки ничтожности плодов "насаждения демократии". Лишь 13,8% нынешних россиян в той или иной степени удовлетворены развитием демократии, причем полностью удовлетворены только 1,4%. Причины подобных тенденций неоднократно обсуждались в кругу аналитиков и экспертов. Если сконцентрировать различные точки зрения, можно выделить две наиболее значимые из них:

1. Россия изначально не была готова к политическим и экономическим свободам, к демократической политической системе вследствие архаичности, глубокого традиционализма основных групп российского населения ("тысячелетняя раба").
2. Не вполне демократические тенденции (мягко выражаясь) в современной России скорее связаны с недостатками избранной модели демократии, когда реальная низовая демократия в наиболее важных и значимых для населения сферах оказалась выхоленной, а введенная взамен система "фасадной" демократии, не имеющая корней в жизненно важных сферах, стала восприниматься скорее как "политический театр", занимающий периферийное положение в системе ценностей общества. Сторонники этой точки зрения обращают

внимание на то, что нынешняя пассивность общества и разочарованность демократическими институтами появилась лишь относительно недавно, тогда как на рубеже 80–90-х годов люди проявляли высокий уровень социальной и политической активности.

Так или иначе, во второй половине 90-х годов общество столкнулось с проблемой крайне низкой эффективности демократических политических институтов, работавших либо вхолостую, либо обслуживающих интересы российских или международных корпораций ("управляемая демократия", по выражению В. Суркова¹). Аналогичные претензии предъявлялись и к сфере частного бизнеса, породившего уродливую олигархическую систему власти, в рамках которой новая российская бюрократия стала занимать все более подчиненное, зависимое положение. Не смогла новая российская демократия решить и основных социальных проблем страны, в первую очередь обеспечить ценностную консолидацию общества, преодолеть имеющиеся социальные и региональные разрывы между наиболее значимыми группами населения России. Как итог, в нашей стране серьезно подорван имидж демократии в целом и многими гражданами последняя связывается с неудачными реформами и потерей уверенности в завтрашнем дне.

Тревожные выводы были сделаны и на основе исследования, проведенного ВЦИОМ по заказу Центризбиркома в мае 2007 г. Лишь 21,0% россиян продолжают верить, что от обычных избирателей зависит многое. 42,3% придерживаются в этой связи более осторожного мнения, согласно которому от них лишь кое-что зависит, но весьма немного. И, наконец, 31,6% опрошенных уверены, что от их голоса практически ничего не зависит, все главные вопросы все равно будут решены "за закрытыми дверями", без учета их мнения.

Как это было очевидно еще "на заре" путинского правления, "возник запрос на сильную, доминирующую в политическом пространстве партию власти как субъект общенациональных стратегических интересов, которые оказались в последнее десятилетие "растщены" между отдельными экономическими и политическими группировками, своего рода "кланами"... С точки зрения своей идеологии эти силы могут быть ориентированы только на политический центр, в его чуть более левом или чуть более правом вариантах. Таким образом, налицо все социальные и ценностные предпосылки для дрейфа режима в направлении от псевдоклассической демократической республики в сторону "выборной монархии". Действительно, среди "завоеваний" последних десятилетий в российском менталитете укоренились такие атрибуты демократии, как свобода предпринимательства, свобода слова и СМИ, свобода поездок за границу, выборность органов власти. Безусловный кризис переживают такие институты, как представительная власть и многопартийность. Так, лишь 38,5% россиян считают, что "представительная власть — это важно", еще меньшее число — 29,5% придерживаются того же мнения о многопартийности [13]".

Сегодня население страны, как свидетельствует ноябрьский (2006 г.) опрос ВЦИОМ, видит главную угрозу демократии в колоссальном разрыве между богатством и бедностью, не только не преодоленном при В. Путине, но и продолжаю-

¹ Согласно точке зрения В. Суркова, суверенную демократию "допустимо определить как образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими". Он считает, что "поддерживать суверенитет без ущерба для демократии и быть открытыми, не теряя идентичности, — задача для начинающих нетривиальная".

щем возрастать (так считают 47,3% опрошенных), в отсутствии равенства всех перед законом (36,5%), в сращивании власти и капитала (31,1%). Нет и не может быть эффективной политической демократии в условиях отсутствия единой политической нации, предполагающей наличие равных прав и примерно равных социальных возможностей для всех участников политического процесса. Эти обстоятельства во многом и определяют пассивность населения, его неспособность и неготовность бороться за свои права и интересы.

На фоне отсутствия таких фундаментальных условий демократии на отсутствие значимой политической оппозиции в Государственной думе обращают свое внимание 18,2% опрошенных, на возрастающую зависимость ведущих СМИ от государства (9,0%), на сосредоточение всей власти в руках президента В. Путина (6,7%). Скажем больше — основные группы населения склонны упрекать власть и конкретно президента в недостаточной эффективности использования властных полномочий, в невмешательстве во многие процессы, которые, по идее, должны жестко контролироваться государством. В частности, большинство россиян сегодня выступают за введение значительно более жестких ограничений для СМИ, в том числе за введение цензурных ограничений (прежде всего по моральным соображениям), за более решительную борьбу с олигархами, контроль государства над экономическими процессами.

Неудача ставки на развитие демократических институтов как субъектов национального развития преопределили при В.Путине частичное возвращение к концепции авторитарной модернизации. По фактическому замыслу ее авторов, именно слой государственных чиновников, выстроенных в единую "административную вертикаль", должен был стать основным "мотором" развития. А как же сама российская бюрократия? Служит ли она народу или своим собственным интересам? Заинтересована ли она в подъеме России, росте ее могущества? Нет, отвечают 66,7% опрошенных в ходе того же исследования россиян, главная цель бюрократии — это "сохранение и постоянное увеличение своего богатства и влияния, невзирая на низкий уровень жизни населения". В том, что аппарат власти заинтересован в повышении благосостояния и уровня жизни населения, уверены только 16,6% опрошенных, а в ее заинтересованность в подъеме России, росте ее могущества и того меньше — 2,1%.

Итак, сделав ставку на бюрократию как носителя идеи государственности, Путин не сумел качественно видоизменить саму бюрократию. Она, как и при Ельцине, остается прежде всего носителем эгоистических и корыстных устремлений. Таков парадокс "авторитарной модернизации" в российском исполнении. И неслучайно наиболее высока неудовлетворенность результатами путинского правления именно в сфере государственного и правового строительства, правоохранительной деятельности и борьбы с коррупцией. Проводимая административная реформа также лишь частично себя оправдывает, так как она решает частные проблемы и то далеко не всегда успешно. Главная задача — поставить бюрократию на службу государству и обществу, стратегическим интересам страны — более чем далека от своего решения. Как следствие, запрос общества на "наведение" порядка сохраняет свою актуальность, несмотря на значительное разочарование в возможностях власти добиться прогресса в этом направлении.

Несмотря на небезосновательное "ворчание" россиян в отношении бюрократии и чиновничества, невысокий уровень доверия к государственным институтам, наличие и процесс идентификационного сближения между обществом и этой "плохой" властью. Расписываемые либеральной прессой во всех красках "страдания" россиян от "нехорошей путинской бюрократии", от "тотальной коррупции",

мягко говоря, преувеличены. Именно за годы путинской стабилизации большая часть общества научилась вообще обходиться без государства, обращаясь к нему лишь в самых крайних случаях. Гражданам удалось отвоевать для себя свой приватный "кусочек" социального пространства, в который государство не вхоже. И размер этого "кусочка" не столь уж мал, по крайней мере, он значительно больше, чем был при ельцинском правлении. Именно это является для россиян наиболее значимым, актуальным достижением, за которое он готов легко отдать обещанные нашими и заморскими записными демократами "прелести" либеральной демократии и правового государства.

Как показало исследование, проведенное ВЦИОМ в августе 2007 г., россияне за последние годы стали смотреть в будущее куда как с большим оптимизмом не только по сравнению с мрачными временами дефолта и других социальных катаклизмов, но и по сравнению с тем, что было три—четыре года назад. Катастрофические сценарии, которые казались неизбежными еще недавно, сегодня воспринимаются всерьез лишь относительно небольшой частью опрошенных. Так, распад страны на несколько самостоятельных государств, потеря части своей территории, что уже почти начинало сбываться в 90-е годы, сегодня представляется вполне реальным только 16,8% опрошенных, а 42,0% считают это совершенно нереальным. Примерно столько же — 14,0% — считают реальным сценарий революции в России или переворота, подобного тем, что происходили в последние годы в ряде соседних государств (Грузия, Украина, Киргизия). 43,6% считают это невозможным.

Еще менее вероятной представляется гражданская война, тень которой висела над страной в первой половине тех же 90-х. Сегодня лишь 12,7% опрошенных полагают, что она вполне реальна, а 51,5% такую возможность исключают. Не верят россияне и в перспективы войн. Так, вероятность войны со странами Запада считают реальной 10,4% а 51,2% исключают. Аналогичные цифры и в отношении вероятных войн со странами Азии — Китаем, Японией, Северной Кореей — 9,9% и 50,4% соответственно. Не верят россияне в приход к власти в нашей стране прозападных сил, способных сдать ее суверенитет (11,0% считают это реальным, а 41,5% — совершенно невозможным), и уж тем более — в приход к власти фашистов (4,7% и 66,8% соответственно).

В группу же наиболее реальных "плохих" сценариев, вероятность которых представляется высокой для четверти и более опрошенных, вошли раскол внутри правящей верхушки, начало ожесточенной драки за власть внутри правящих кланов (26,6% считают вполне реальным и 24,3% исключают), исчерпание запасов нефти и газа, других природных ископаемых (30,0% и 23,6% соответственно), экологическая катастрофа (36,3% и 16,6% соответственно), террористические акты на стратегических объектах (37,8% и 17,4% соответственно). При этом страхи и опасения намного сильнее испытывают пожилые и материально нуждающиеся россияне. Именно эти категории граждан чувствуют себя наиболее уязвимыми, психологически незащищенными и привыкли смотреть на окружающий мир с опаской и подозрением.

Чем меньше страхов, тем сильнее надежды и оптимистичнее взгляд в будущее. Экономический рост и явное укрепление позиций нашей страны на международной арене дают основание предположить, что эти благоприятные тенденции будут продолжаться и в ближайшие 10—15 лет. Уже сегодня, по мнению более половины (58,6%) россиян, наша страна входит в десятку наиболее развитых стран мира, 9,1% дают ей еще более высокую оценку, утверждая, что она является одной из ведущих стран мира, и только 20,3% готовы охарактеризовать Рос-

сию как слаборазвитую страну, которой место не среди развитых стран, а в третьем мире.

Основой для укрепления оптимистического взгляда на судьбу России является богатство России, то, что она владеет крупнейшими запасами природных ресурсов. Успехи последних лет население страны во многом связывает с тем, что государство наконец-то завилло себя как реальный хозяин этих ресурсов, "прихватизированных" в 90-е годы частными корпорациями. По мнению большинства опрошенных (52,8%), политика национализации природного достояния, проводимая в последние годы, должна быть продолжена, все природные ресурсы должны принадлежать только государству и разрабатываться только государством, а частные корпорации могут лишь быть "в найме" у государства для выполнения тех или иных второстепенных функций. 35,0% выступают за более мягкую позицию, согласно которой все природные ресурсы должны принадлежать государству, но разрабатывать их могут частные корпорации и компании по договоренности с государством, которые должны и платить ему налоги. Самой непопулярной оказалась точка зрения, согласно которой природные ресурсы должны добывать и эксплуатировать частные компании, так считают всего 4,4% опрошенных россиян.

Главным "узким" местом сегодняшней России, препятствующим ее пребыванию в числе ведущих стран мира, является бедность населения, нерешенность социальных проблем. По мнению россиян, первоочередными социальными проблемами, требующими максимально быстрого решения, являются такие, как необходимость повышения пенсий (55,6%), снижение уровня бедности (46,5%), повышение пособий на рождение детей (36,6%), повышение зарплат бюджетникам (34,9%), улучшение качества и доступности медицинских услуг (34,1%), решение проблемы ЖКХ (30,9%), строительство доступного жилья для людей с невысоким уровнем доходов (30,5%), более активная борьба с коррупцией (27,3%), сокращение разрыва в доходах самых богатых и самых бедных (26,8%). Среди других насущных социальных проблем отмечены улучшение качества и доступности образовательных услуг (21,0%), активизация борьбы с преступностью (15,6%), облегчение жизни инвалидам (14,7%), борьба с пьянством и алкоголизмом (14,5%), детская безнадзорность и беспризорность (13,1%), повышение морального уровня россиян, укрепление бытовой морали (12,1%), борьба с наркоманией (11,7%).

В чем же состоит социокультурный код нынешнего "общества успеха"? Одной из его важнейших характеристик является мобилизационная направленность общества. Исследования демонстрируют, что мобилизационная компонента достаточно высока, но направлена практически исключительно на сферу локальных интересов. Так, 44% опрошенных в исследовании ВЦИОМ в 2004 г. готовы "пожертвовать личным благополучием и материальным достатком" ради будущего своих детей; 36,9% — ради безопасности своего дома, своей семьи. Лишь на третьем месте в качестве сверхценности выступает безопасность России (23,7% опрошенных). Подобное соотношение характерно для всех без исключения групп.

Впрочем, в современной России подобная индивидуализация бытия видна и невооруженным социологическими методами взглядом. Свободная экономика раскрепостила океан человеческой энергии, как правило, заканчивающейся за пределами забора собственной дачи или коттеджа. Никакие идеи не являются больше сверхценностями ни для каких социальных групп. Ради целостности страны готовы пойти на жертвы 4,2% россиян; ради коммунистической идеи — 1,7%; ради идеи демократии, прав человека — 1,5%; ради идеи прогресса, блага всего человечества — 1,9%; ради православной идеи — 2,3%. Лишь 5,5% полагают, что

объединить российское общество могут идеи демократии; 1,1% — коммунистическая идея; 1,1% — православная идея. Наибольший рейтинг получили стабильность (24,5%), законность и порядок (22,1%), достойная жизнь (16,3%).

Таким образом, "взгляд в будущее" нынешнего поколения россиян по-прежнему в огромной степени определяется нежеланием радикальных перемен, представлением об общественной стабильности как сверхценности. Это означает, что все революционные сценарии будущего вряд ли имеют шанс сбыться до тех пор, пока не появится новое поколение, которое устанет от стабильности и "возжелает перемен".

Времена, когда Россию хоронили все, кому не лень, прошли. Мы многого добились, но многое пока и не осуществлено. На уровне ценностей и эмоций мы готовы пусть и не к рывку, но к уверенному поступательному движению вперед. Главная проблема страны — это непреодоленный институциональный кризис, отсутствие эффективно работающих политических, государственных и общественных институтов. "Старые" институты, доставшиеся от эпохи демократического "натиска" и от более ранних периодов в истории страны, так до конца и не нашли своего места в "новой России". Это касается политических партий, представительной власти, профсоюзов, церкви, традиционной российской бюрократии. Сможет ли российское общество наполнить "старые меха" новым содержанием? Сформируется ли в "новой" России политическая и государственная система, адекватная представлениям общества и его мечтам о будущем? Именно от ответа на эти вопросы и зависит, сбудутся ли оптимистичные прогнозы россиян о "новой России", какой они бы хотели ее видеть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малютин М. Мир и мы. Сайт АПН. 2007, июль.
2. Кувалдин В. Путин пришел как стабилизатор, поэтому реформы Путина призван завершить его преемник. Сайт ФОМ-клуба. 2007, июнь.
3. Май В. Интеллигенция, история и революция // Новый мир. 2000, №5. С. 156–161.
4. Бызов Л. Первые контуры постпереходной эпохи // Социс. 2001, №4.
5. Гудков Л. Дубин Б. Конец 90-х годов: затухание образцов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001, №1 (51). С.15–30.
6. Фурман Д. Политическая система в современной России // Куда пришла Россия? Итоги социальной трансформации.
7. Ворожейкина Т.Е. Стабильна ли нынешняя Россия? // Куда пришла Россия? Итоги социальной трансформации.
8. Левада Ю. Свидетели времени. Куда идет Россия? // Куда пришла Россия? Итоги социальной трансформации.
9. Гудков Л.Д. Цинизм "непереходного" общества // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2005, №2 (76). С. 43–62.
10. Дискин И. Альтернативы российской модернизации. М., 2007.
11. Круглый стол "Базовые ценности современных россиян" // Мониторинг общественного мнения. 2006, №2.
12. Базовые ценности современных россиян (под общей редакцией А. Рябова и Е. Курбангалевой). М.
13. Бызов Л. Постпереходный режим в сегодняшней России: его ограничения и ресурсы // Демократия. 2001, №1.

An excerpt from a new book by VCIOM authors, to be published soon.